

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. Ф. Спиридонов

Конспирологическая
картина мира,
или Как устроена
теория заговора

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2019

УДК 327
ББК 66.4(0)
С72

Спиридонов Владимир Феликсович – доктор психологических наук,
профессор, декан факультета психологии ИОН РАНХиГС

Спиридонов, В. Ф.

С72 Конспирологическая картина мира, или Как устроена теория заговора. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 28 с. — (Научные доклады: общественные науки).

ISBN 978-5-7749-1444-9

Один из распространенных (и очень узнаваемых) способов понимания и объяснения социальных, политических и экономических процессов получил название «теория заговора». Сторонники подобных теорий объясняют самые разные события злой волей и целенаправленными усилиями групп людей, организаций, реже государств: реальные социально-экономические и политические процессы оказываются заранее задуманными и осуществленными по специальному плану в интересах узкой группы лиц. При всем громадном разнообразии конкретного содержания в основании теорий заговора лежит вполне определенная, конспирологическая, форма мышления или «картина мира». Статья посвящена анализу психологических истоков этого явления, а также уже сложившихся и возможных способов его использования (в практике принятия политических и социально-экономических решений, в кинематографе, в области пропаганды, подготовки управленцев и т. п.).

УДК 327
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-7749-1444-9

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
2019

Содержание

Проблема	5
Конспирологическое мышление: теория заговора, или Конспирологическая картина мира	8
Психологические корни конспирологического мышления	12
Конспирологическое мышление в действии	15
Список литературы	24

Проблема

Один из распространенных (и очень узнаваемых) способов понимания и объяснения социальных, политических и экономических процессов получил название «теория заговора» (англ. *conspiracy theory*). Сторонники подобных теорий объясняют самые разные события злой волей и целенаправленными усилиями групп людей, организаций, реже государств: реальные социально-экономические и политические процессы оказываются заранее задуманными и осуществленными по специальному плану в интересах узкой группы лиц, обладающих невероятными способностями к планированию своих и чужих действий, неограниченным стремлением к власти и ресурсами, чтобы манипулировать большими группами людей, часто — на протяжении столетий.

Примерами такого рода могут служить теории: о существовании мирового правительства — единой политической тайной власти над всем человечеством (в таком качестве, с точки зрения адептов подобных взглядов, может выступать ООН, «Большая семерка» или «Большая двадцатка» наиболее развитых стран, трансна-

циональные компании или их ставленники и т. д.), об определяющей роли евреев в Октябрьской революции в России, о последовательном сокрытии правительством США информации о посещении Земли инопланетянами (например, о Розуэллском инциденте с НЛО), о полетах и гибели догагаринских («пропавших») советских космонавтов, об инсценировке пребывания американских астронавтов на Луне, о роли мирового жидомасонского заговора (безусловно, включающего и соответствующую «пятую колонну») в распаде СССР, о гибели подлодки «Курск» в результате атаки американской подлодки и последовательном сокрытии этого факта правительствами обеих вовлеченных стран, о целенаправленном развале медицины в современной России с целью вырождения граждан нашей страны и сокращения ее населения для уменьшения международного влияния России или повышения ее управляемости извне и т. д. Эти и подобные теории заговора широко распространены: их следы легко можно найти как в стихийных дискуссиях в соцсетях, так и в печатных текстах и суждениях компетентных экспертов (ярким примером является постоянно тиражируемый политическими комментаторами образ «России в кольце врагов»).

Обращает на себя внимание разный «логический» объем приведенных примеров. По этому критерию теории заговора разделяют на глобальные (в этом случае группа лиц, скажем тайное общество, тем или иным способом борется за мировое господство или уже осуществляет его) и локальные (связанные с теми или иными более узкими вопросами, обычно опять-таки завязанными на власть и управление людьми и ресурсами). В целом степень их влияния на общественное мнение оценить трудно, хотя время от времени появляются яркие примеры широкого распространения взглядов такого рода (Теория заговора..., 2018; Рогозин решил..., 2018).

При всем громадном разнообразии конкретного содержания в основании теорий заговора лежит вполне определенная форма мышления или картина мира. Их можно назвать *конспирологическими* (от англ. *conspiracy* — «заговор» и древнегреч. *логос* — «учение»). Они обнаруживаются в самых разных

сферах: политике, науке, кинематографе, образовании и т. д. Причем их проявления и последствия значительно более широкие и многоплановые, чем кажется на первый взгляд. В данной статье на материале нескольких примеров мы постараемся продемонстрировать единые психологические основания теорий заговора и обсудить некоторые их практические следствия, а также уже сложившиеся и возможные способы использования этого явления.

Конспирологическое мышление: теория заговора, или Конспирологическая картина мира

Начать нужно с мотивировки самого термина: понятие «теория» кажется совершенно неприменимым к описываемому содержанию. Однако следующие смысловые нюансы сближают традиционные научные теории и теории заговора (поэтому мы используем данное словосочетание без кавычек). Первое сходство состоит в противопоставлении явления и сущности. Как и обычные теории, теория заговора видит глубинные причины, лежащие в основании наблюдаемых явлений или находящиеся у них «за спиной». Видимое положение вещей не должно скрывать реальность — на этом настаивают оба вида теорий. Второе явное сходство заключается в попытках объяснения наблюдаемых явлений: факты сами по себе недостаточны для понимания происходящего. Для них те и другие теории стремятся найти скрытые причины.

Среди огромного количества различий, которые можно обнаружить между двумя видами теорий (Поппер, 1992; Пайпс, 2000), подчеркнем следующие: герметический характер теорий заговора — их нечувствительность к фактам, не вписывающимся в объяснительную конструкцию, равно как и к логическим контраргументам

и противоречиям самих предлагаемых объяснений, а также весьма низкую критичность по отношению к источникам — количество разноплановых фальшивок, которые используются в качестве серьезных аргументов, превосходит всякое вероятие (George, Wilcox, 1996).

Еще бóльшими отличиями характеризуются адепты данных типов теорий: если сторонники научных теорий обычно исповедуют критическую установку по отношению к фактам, стремятся к их многократной проверке разными способами и поиску возможных слабых мест в своих и чужих объяснительных моделях (по крайней мере так устроен способ действий и позиция научного сообщества), то поклонники теорий заговора, наоборот, настроены на подтверждение своей позиции, т. е. на максимально широкое и последовательное объяснение человеческих действий или событий с помощью ограниченного набора причин. Кроме того, они склонны интерпретировать свою позицию как «окончательную правду», т. е. самое правильное и неопровержимое объяснение, целиком соответствующее реальности. Подобное поведение (включая автоматический и алогический характер умозаключений, приводимых в защиту своей точки зрения¹) в другом контексте получило название «нечувствительность к опыту» (Леви-Брюль, 1930), что весьма четко характеризует суть дела. Несколько огрубляя, можно утверждать, что сторонники научных теорий концентрируются на методах получения и проверки своих знаний, а сторонники теорий заговора — исключительно на самом содержании своих теорий. При этом вторые демонстрируют характерную жесткость и ригидность в отстаивании своей позиции.

Учитывая удивительное предметное разнообразие и пространственность конспирологических идей разного толка (Энтин, 2000; Хлебников, 2014), важно описать картину мира,

¹ Хорошим примером такого рода может служить возражение, к которому часто прибегают сторонники теории заговора, столкнувшись с указанием на присутствующие у них логические или фактические неувязки: «Им выгодно, чтобы вы так думали». Логическая структура этого тезиса очевидным образом имеет циклическую форму.

в котором правят заговоры. В основном мы будем использовать для этого возможности психологического анализа.

Даже поверхностный взгляд позволяет обнаружить несколько важных черт конспирологического мышления. Во-первых, все, что связано с предметом заговора, имеет целиком *искусственную* природу. Это значит, что процессы, происходящие в экономике и в обществе, такое мышление считает полностью зависимыми от воли и намерений тех или иных групп людей (а иногда — и отдельных личностей). Никакие события не являются изолированными и случайными, но выступают реализацией чьих-то планов, которые только и могут быть причиной происходящего в общественной и даже личной жизни. Политические процессы имеют очевидный целенаправленный и управляемый характер, т. е. политики, равно как и другие акторы (заговорщики), в прямом смысле слова творят мир, в котором они живут и действуют. (В детской психологии предложено специальное название для совокупности явлений такого рода, имеющих место в ходе возрастного развития ребенка и не обладающих, конечно, никаким политическим содержанием, — артификализм (Пиаже, 1969; 1999)).

Во-вторых, мы оказываемся в мире, где основными являются *психологические причины и, соответственно, объяснения*. Именно особенности индивидуальной и групповой мотивации (в первую очередь стремление к власти, а во вторую — желание навредить кому-то), а также личностные черты (жадность, коварство, агрессивность, устойчивая неприязнь к кому-то и т. д.) и интеллектуальные способности определяют смысл и особенности общественно-экономических событий и явлений.

В-третьих, в конспирологическом мышлении действует неочевидный принцип: *причина должна быть сообразна (равномощна) следствию* (Соколов, 2016). Именно поэтому случайные общественные или политические явления просто невозможны — чтобы произойти, у них нет «достаточных» причин. Такое положение дел приводит к еще одной интересной структурной детали — наличию «далеких» или латентных связей (когда о сходстве на первый взгляд несвязанных про-

цессов, событий или поступков говорят их отдаленные результаты, производные от единых скрытых причин). В итоге неподготовленный наблюдатель (т. е. не придерживающийся теории заговора) никогда не разберется в реальных отношениях между явлениями. Этому способствует еще один момент — нарушение масштаба или отсутствия соответствия между причинами и их следствиями. Самое малое, равно как и крупное политическое или экономическое событие, происходит (и объясняется) в силу одной и той же по своему объему и смыслу причины. В пересказах и описаниях теории заговора выглядят как смесь утверждений разного объема, в том числе гиперобобщений.

Четвертый признак — обязательное участие, как минимум, *двух групп*, представители которых характеризуются совсем *разными качествами*. Сочетание невероятного хитроумия и вероломства, с одной стороны, и поразительной наивности и/или ненаблюдательности — с другой, приводят к тому, что члены первой группы могут манипулировать членами второй в своих интересах практически неограниченное время. (М. Соколов (2016) называет это явление *когнитивной асимметрией*.) Подобное распределение способностей позволяет некоторым глобальным заговорам, по мнению адептов соответствующих теорий, существовать и продолжать свою подрывную деятельность в течение столетий, не будучи разоблаченными.

Обнаруженные характеристики позволяют охватить большинство распространенных теорий заговора и отличить их от иных (псевдо)интеллектуальных построений. Повидимому, можно выделить еще ряд черт, однако они не будут столь же универсальными, как четыре предыдущих.

Психологические корни конспирологического мышления

Теории заговора предоставляют богатый материал для анализа их психологических корней. Мы рассмотрим несколько основных *психологических* подходов к объяснению этой формы мышления¹. При этом во всех случаях она интерпретируется как определенный набор когнитивных дефицитов, возникающих в силу тех или иных причин. Конечно, такое утверждение не претендует на всю правду.

1. В обрисованной выше картине мира легко обнаруживаются черты или пережитки детского мышления. Речь идет об упрощенных представлениях, которые складываются у ребенка, когда он еще не может ухватить сложность окружающего мира, и которые позволяют ему успешно развиваться. Впоследствии они постепенно уступают место «взрослой» картине действительности (Пиаже, 1999). Мышление сторонников теории заговора можно трактовать как «за-

¹ Понятно, что такой взгляд не может быть единственным. Исторический, социологический и т. д. подходы к изучению причин и устройства теорий заговора значительно более разработаны и детализированы по сравнению с психологическими изысканиями (см., напр., Соколов, 2016; Пайпс, 2000).

стрявшее» на более ранних этапах возрастного развития, что и ведет к большому количеству его отличительных особенностей, которые проступают сквозь очень и очень разный конкретный материал.

2. Вторая возможность объяснения связана с указанием на отклоняющийся (т. е. не совсем нормальный) характер конспирологического мышления. Можно предположить, что его носители являются пограничным случаем нормы, что также делает их мышление особенным. Подобный ход анализа был реализован Р. Хофштадтером, который ввел понятие *параноидного* (от древнегреч. *пара* — «около» и *ноос* — «ум») стиля для лучшего понимания современных ему политических процессов в США (Hofstadter, 1964). Весьма характерная цитата из этой работы гласит: «Отличительная черта параноидного стиля заключается не в том, что его приверженцы видят заговоры в истории повсюду, а в том, что они рассуждают об «огромном» или «глобальном» заговоре как движущей силе исторических событий. Сама история является для них заговором...» (Hofstadter, 1964, с. 29). Клинические описания параноиков поясняют мысль Хофштадтера, демонстрируя крайний вариант совокупности личностных черт, лежащих в основе подобного поведения. Параноикам свойственны упрямство, прямолинейность, нездоровая подозрительность, склонность к образованию сверхценных идей, односторонность интересов и увлечений, склонность к видению в случайных событиях происков врагов, выискиванию заговоров против себя и т. д. (Ганнушкин, 2000). Именно такие черты обнаруживаются как в текстах сторонников теорий заговора, так и в «живых» дискуссиях с ними.
3. Третья объяснительная возможность указывает на возможный дефицит способов понимания и представления реальности у сторонников теории заговора. Подобное упрощение картины мира с легкой руки Дж. Келли именуется *когнитивной простотой* (Kelly, 1955/1991). Это означает, что носитель такого образа мира видит окружающую действительность весьма недифференцированно, не различая большое количество оттенков, нюансов, сложных и неоднозначных связей и т. п. Подобный человек обладает ма-

лым числом независимых критериев (Келли называет их *личностными конструктами*) для оценки свойств объектов и поведения и отношений людей.

Каждый из перечисленных подходов несет свою толику правды. Возможно, наиболее убедительное объяснение психологической подоплеки теорий заговора дает сочетание каких-то двух или даже всех трех перечисленных подходов. В любом случае конспирологическое мышление оказывается дефицитарным в тех или иных отношениях, но зато дающим целостную, многое объясняющую и вполне охватываемую «одним взором» картину социально-политических и социально-экономических событий и процессов. Субъективно в ней нет противоречий, «темных» мест и непроясненных вопросов.

При этом экспериментальные психологические исследования действительно обнаруживают определенную специфику мышления людей, принимающих теории заговора за «чистую монету». Скажем, М. Вуд, К. Дуглас и Р. Саттон, изучая людей, считавших, что американское правительство обманывает, рапортуя об успешной ликвидации бен Ладена, обнаружили весьма примечательный факт. Их испытуемые отрицали информацию об убийстве известного террориста американским спецназом, но при этом не могли выбрать между версиями — «бен Ладен сейчас жив» и «бен Ладен сейчас мертв». Невзирая на возникавшее противоречие, он оказывался и живым, и мертвым одновременно, что ничуть не смущало участников эксперимента (Wood, Douglas, Sutton, 2012). Оказалось также, что теории заговора в психологическом отношении достаточно гомогенны: если вы принимаете одну теорию заговора, то вероятность того, что вы принимаете еще и другие, резко возрастает (Бразертон, 2017). Психологические исследования процесса принятия решений в целом подтверждают этот вывод: рациональность оказывается устойчивым источником индивидуальных различий между людьми. Различия между индивидами действительно весьма велики и устойчивы (см., напр., Stanovich, West, Toplak, 2016).

Конспирологическое мышление в действии

Понимание того, как устроено конспирологическое мышление и как оно действует, позволяет использовать это понятие в качестве аналитического инструмента, применимого к самым разным проблемным ситуациям. Наличие конспирологических составляющих, безусловно, факультативный элемент общественно-политических или социально-экономических событий. Но, будучи обнаружены, они добавляют дополнительные смысловые обертона и обогащают наше понимание происходящего. При этом теории заговора редко представляют собой центральный пункт анализируемого явления; чаще это именно дополнительные смысловые линии, которые вводят в игру те или иные психологические переменные. Дело осложняется тем, что обычно описания общественных или политических событий не слишком хорошо документированы с точки зрения их возможных психологических составляющих. Чаще всего все сводится к некоторым литературным или пропагандистским штампам (типа лозунга о «любви народа к партии», так популярного в былые годы). В тех немногих случа-

ях, когда психологической «фактуры» хватает для анализа, можно обнаружить немало интересного.

Некоторые плюсы и минусы конспирологического мышления

Та же форма мышления, которая дает о себе знать в теориях заговора, отвечает и за устойчивые трудности понимания сложных, контринтуитивных явлений (типа теории биологической эволюции), подчиняющихся не динамическим, а вероятностным законам (Medin, Atran, 1999; Coley, Muratore, 2012). Легко видеть, что креационизм интеллектуально значительно более прост в силу соответствия идеи целенаправленного творения наивным представлениям об искусственной природе естественных и социальных процессов, нас окружающих. Такая же форма мышления отвечает и за особенности «наивной политологии» (folk political science)¹ (Rhodes, 2018). Обычно «наивный» политолог объясняет общественно-политические и социально-экономические процессы индивидуальными усилиями и предпочтениями политиков («Путин захотел и...», «Трамп не понял, но...») или государственных управленцев («Думают только о себе, и поэтому...») и т. п. Одним из интересных следствий таких воззрений является очень популярная и среди аналитиков, и среди простых обывателей идея о том, что для понимания политических процессов необходимо «влезть политикам в голову».

Кроме того, теория заговора — очень понятный и узнаваемый сценарий, обеспечивающий быстрое распознавание подоплеки событий. Поэтому подобные теории часто оказываются в основе сюжетов художественных фильмов, где, например, группа злодеев, получив в руки некое сверхмощное оружие или какой-то иной невероятный ресурс, стремится к мировому господству (это сценарий глобального заговора) или к каким-то более мелким по масштабу победам и достижениям (это локальный вариант того же самого). Главный герой

¹ И за более широкое явление такого же рода, которое называют folkscience, т. е. «наивной» или «народной» наукой (см. Keil, 2003).

вместе с помощниками, а иногда и в одиночку противостоит супостатам. В рамках сжатого экранного времени мы можем наблюдать характерные признаки подготовки и реализации заговора (наличие тайной группы, разрабатывающей зловещие планы, элементы конспирации, (псевдо)объяснения событий на основе мотива стремления к всемирной власти у антагониста главного героя и (псевдо)возможности контроля поведения больших групп людей и т. п.). В отличие от типичной конспиративистской картины мира заговорщики, несмотря на все свои преимущества, терпят решительное поражение. В данном случае обращает на себя внимание не грубая реализация обсуждаемой идеи, а зрительский запрос на нее: например, только трилогию про Человека-паука (2002–2007 гг.) посмотрело более миллиарда человек по всему миру.

Роль теории заговора в пропаганде

Не менее заметны теории заговора в области политической или идеологической пропаганды, где они прямо подсказывают формы эффективного воздействия, предоставляя простые и понятные аргументы, которые легко опознаются и принимаются самыми разными реципиентами. Скажем, прекрасным образцом пропагандистского мастерства может служить «История ВКП(б). Краткий курс» (первое издание 1938 г.). Этот труд стал вторым в истории человечества изданием по количеству экземпляров после Библии (Энтин, 2000). Интерпретация истории ВКП(б) в изложении авторов и редакторов этого труда (судя по всему, в их число входил лично И. В. Сталин) опирается на весьма типическую теорию заговора: внутренние враги против советской власти (конечно, при поддержке иностранных разведок). Материалы политических процессов 1920–1930-х гг. представлены как полноценное и несомненное доказательство подрывной деятельности различных групп оппозиции. Только мудрая политика Ленина и Сталина, постоянно и успешно противосто-

стоявших предателям-ревизионистам всех мастей и опиравшихся на марксизм, позволила подавить активность врагов и разоблачить их коварные замыслы. Не забудем и постоянно имевший место широкий заговор империалистических государств против Советского Союза. В рамках такой интерпретации (не слишком соответствующей историческим реалиям) все события партийной истории приобретали свое законное место в общей структуре, получали единство и логическую связность, характерную для теории заговора, ярким документом которой и является «Краткий курс истории ВКП(б)» (Энтин, 2000). Отметим мотив успешного разоблачения заговора, т. е. победу над обычно весьма успешной конспирологической деятельностью.

Несложно обнаружить черты теории заговора и в других событиях относительно недавней истории, в которых пропаганда играла или играет важную роль. Рассмотрим несколько характерных примеров. Печально известная деятельность сенатора Дж. Р. Маккарти в период с 1950 по 1957 г. была направлена на борьбу с коммунистами и с советским влиянием в США после Второй мировой войны. Очень быстро она вылилась в преследования «антиамерикански» настроенных граждан: аресты, судебные процессы, запрет на профессию и т. д. При этом практически сразу обоснование этой политической кампании и рецепты практических действий в ее рамках приобрели заметное влияние теории заговора и попыток противостоять ее последствиям. В своем публичном выступлении, от которого и отсчитывают начало событий, Маккарти заявил, что в Государственном департаменте США работают 205 коммунистов, и предоставил списки этих людей. Компартия США с полным основанием могла рассматриваться в те годы как проводник интересов Советского Союза. Однако ни внятных доказательств принадлежности названных персон к компартии, ни аргументов, зачем им, много лет занимавшим ответственные посты в системе американской власти, поддерживать интересы недружественной державы, представлено не было. В список попали даже министр обороны Дж. Маршалл, автор плана послевоенного восстановления

Европы, и Д. Ачесон, Государственный секретарь. В дальнейшем кампания шла по нарастающей, затрагивая все больше людей (Griffith, 1987).

По-видимому, пиком кампании можно считать принятие конгрессом США «Акта 1954 года о контроле над коммунистами» (англ. *Communist Control Act of 1954*). Приведем несколько цитат из раздела 2 названного документа (везде далее перевод мой. — В. С.): «Настоящим конгресс устанавливает и заявляет, что Коммунистическая партия Соединенных Штатов, хотя и предположительно является политической партией, на самом деле является инструментом заговора с целью свержения правительства Соединенных Штатов. Она представляет собой авторитарную диктатуру..., требующую для себя прав и привилегий, предоставляемых политическим партиям, но отрицающую для всех других людей свободы, гарантированные Конституцией... Ее члены не участвуют в определении целей партии и не имеют права выражать несогласие с ними... члены Коммунистической партии... организованы, проинструктированы и дисциплинированы таким образом, чтобы рабски выполнять поручения, данные им их вождями... Коммунистическая партия относительно невелика в количественном отношении и практически не имеет возможностей когда-либо достичь своих целей законными путями... Это средство, с помощью которого людей привлекают на службу мировому коммунистическому движению, обучают выполнять его приказы, направляют и контролируют конспиративную деятельность...» (U. S. Statutes at Large. Public Law 637, p. 776). Независимо от того, что в те годы реально представляла собой компартия США, в данном документе она однозначно описана с помощью конструктов теории заговора: наличие тайной организации (причем даже дважды тайной: за спиной у компартии стоит кто-то еще (их вожди, международное коммунистическое движение и т. п.), опора на конспирацию в своей деятельности, борьба за контроль ресурсов или за власть, явная враждебность по отношению к существующему порядку, возможность использования любых средств в борьбе и т. д. Эта картина закономерно до-

полняется четырнадцатью критериями (раздел 5 указанного документа), на основании которых человек может быть отнесен судом к членам компартии или связанным с ней организациям. Некоторые из них весьма расплывчаты и нечетки и вряд ли могут служить для строгого определения множества коммунистов. (Например, пункт 12: [Обвиняемый] «словом, действием, поведением, в письменной форме или любым другим способом указывал на готовность любым способом и в любой степени осуществлять планы или достигать цели [такой] организации» (ibid., p. 779).

Легко обнаружить элементы теории заговора (конечно, существенно менее формализованные) и при освещении отечественными СМИ событий в Киеве в 2013–2014 гг. Российская пресса использовала достаточное количество соответствующих пропагандистских клише для описания происходящего на Майдане и вокруг него (Hutchings, Szostek, 2015; Yablokov, 2018). Среди прочих отметим искусственный, т. е. специально срежиссированный и осуществленный, характер украинских событий, наличие специальных тайных боевых отрядов (скажем, групп снайперов, устроивших расстрел протестующих) — на их существовании настаивали обе стороны конфликта, провокационную роль западных дипломатов и политиков, способствовавших реализации сценария насильственной смены власти, и т. п.

Теория заговора и люди, облеченные властью

И наконец, у теории заговора есть еще один важный аспект: она тесным образом связана с картиной мира людей, облеченных властью. Создается впечатление, что это один из атрибутов (или последствий) профессиональных занятий такого рода. Скажем, теория заговора — одна из форм «развития» управленческого мышления. Это сильная профессиональная деформация, которая формируется у руководителей различного уровня по мере увеличения стажа. Собранные данные свидетельствуют о том, что у управленцев часто можно обнаружить паранойяльные черты (подозрительность, по-

иски злого умысла и подсиживания со стороны подчиненных и коллег, сверхценные идеи и т. п.) (Березин и др., 1976). Они и составляют основу индивидуальных или групповых теорий заговора в этом случае. Специфика корреляционных психологических исследований не позволяет ответить на вопрос, развиваются ли эти черты по мере движения по карьерной лестнице, происходит ли на их основе отбор управленцев все более высокого уровня или обе причины действуют совместно, обеспечивая победу наиболее паранойяльных личностей в конкурентной борьбе.

В некоторых случаях теории заговора выступают как основа отбора политиков и формирования команд. Сходные взгляды и ценности сближают — и из многих кандидатов постепенно отбираются наиболее склонные к такому же восприятию мира, ориентированные на те же схемы и стереотипы (Janis, 1982). Таким образом, теории заговора можно рассматривать как форму или основу определенной управленческой и политической культуры. В более сильном случае подобные механизмы оказываются важны и для принятия ответственных политических решений.

Так, психологический анализ процесса принятия решения администрацией Дж. Кеннеди о военном десанте на Кубу (в заливе Свиней в 1961 г.) показал сильное влияние иррациональных психологических факторов (Janis, 1972; 1982). И. Джейнис обнаружил и описал специфическое явление, названное им *group-think* (адекватный русский перевод этого термина, который отсылает к знаменитому оруэлловскому «двоемыслию» (англ. *double-think*), затруднен; по-видимому, наиболее уместна идиома типа «круговой поруки»). На материале открытых документов автор показывает, как в угоду групповой сплоченности и верности общим лозунгам лиц, принимавших решение, происходило искажение разведывательной информации, отторжение фактов, которые не укладывались в заранее подготовленные и принятые схемы, зажим и неприятие критики. Все это привело к принятию ошибочных решений, к провальной военной операции и в итоге — к тяжелым военным и политическим потерям.

С нашей темой эти события связаны одним характерным обстоятельством: в ходе планирования вторжения его организаторы опирались на теорию заговора. Они были уверены в существовании широкой сети заговоров и заговорщиков — противников власти Ф. Кастро, готовых поддержать вторжение, и обнаруживали свидетельства их существования в самых разных новостях, приходящих с Кубы. Таким образом, ключевые лица администрации США оказались в плену конспирологических представлений, которым они сами (как того и требует теория заговора) активно искали подтверждения.

Резюмируя, отметим, что устройство теории заговора дает еще один ключ к пониманию разноплановых процессов в области экономики, политики, образования и т. д. Это понятие (скорее, набор связанных понятий) предлагает определенный язык описания и способ понимания сложных общественных процессов, выделяя и подчеркивая в них психологические составляющие и складывая их в относительно несложные объяснительные модели. В последние годы язык заговора стал вполне распространенным способом говорить о политике и экономике. Однако роль таких теорий заметно больше, чем у многих других теоретических конструктов. С учетом сказанного выше теории заговора могут становиться и реально становятся не только инструментом, но и содержанием текущей политики. Так, они могут определять политическую повестку, связывая события между собой и определяя их смысл, а также навязывая свои прогнозы и горизонт планирования лицам, принимающим решения. В самом сильном случае теории заговора просто задают формы понимания политических и социально-экономических процессов и, соответственно, подсказывают политикам формы поведения.

Поэтому теории заговора могут служить удобным материалом для обучения и подготовки новых управленцев и политиков независимо от установок авторов обучающих программ. Для людей, склонных к конспирологическому мышлению, теории заговора предоставляют набор образцов для подражания, а для не склонных — набор отрицательных

примеров разной степени сложности, позволяющих оттачивать навыки и приемы критического мышления, лежащего в основе совсем других способов реагирования на проблемные ситуации.

Список литературы

Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Методика многостороннего исследования личности (в клинической медицине, в психогигиене). М., 1976.

Бразертон Р. Недоверчивые умы. Чем нас привлекают теории заговоров. М., 2017.

Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. Нижний Новгород, 2000.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.

Пайпс Д. Заговор: объяснение успехов и происхождение «параноидального стиля» / пер. с англ. Г. Дашевского // Новое литературное обозрение. 2000. № 41(1). С. 6–26.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1999.

Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992.

Рогозин решил проверить факт пребывания американцев на Луне. <https://lenta.ru/news/2018/11/24/moon/>.

Соколов М. Формы политической подозрительности и классовые границы в русском национализме. Доклад на XII Малых банных чтениях. 2016 г. <https://www.youtube.com/watch?v=WRH3SzfVXs>.

Теория заговора против России. Результаты социологического опроса ВЦИОМ. Август 2018. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9259>.

Хлебников М.В. Теория заговора: историко-философский очерк. М., 2014. <https://www.litmir.me/br/?b=210531&p=116>.

Энтин Дж. Теория заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2000. № 1.

Coley J.D. & Muratore T.M. Trees, Fish, and Other Fictions: Folk Biological Thought and its Implications for Understanding Evolutionary Biology // In K. S. Rosengren, S. Brem, E. M. Evans, & G. Sinatra (Eds.). *Evolution challenges: Integrating research and practice in teaching and learning about evolution*. Cambridge: Oxford University Press. 2012. P. 22–46.

George J., Wilcox L. *American Extremists: Militias, Supremacists, Klansmen, Communists, and Others*. NY, 1996.

Griffith R. *The Politics of Fear: Joseph R. McCarthy and the Senate*. University of Massachusetts Press, 1987.

Hofstadter R. *The Paranoid Style in American Politics* // Harper's Magazine. November. 1964. <https://www.youtube.com/watch?v=WRH3SzfVXs&t=213s>.

Hutchings S., Szostek J. *Dominant Narratives in Russian Political and Media Discourse during the Ukraine Crisis* // *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. Pikulicka-Wilczewska A., Sakwa R. (Eds.). Bristol. E-international Relations Publishing. 2015.

Keil F. C. *Folkscience: coarse interpretations of a complex reality*. TRENDS in Cognitive Sciences. 2003. Vol. 7. No. 8.

Kelly G.A. *The psychology of personal constructs: vol. 1. A theory of personality*. London: Routledge. 1991. (Original work published 1955).

Medin D.L. & Atran S. (eds). *Folkbiology*. MIT Press, 1999.

Rhodes R.A.W. (ed.) *Narrative Policy Analysis: cases in decentred policy*. London: Palgrave Macmillan, 2018.

Stanovich K.E., West R.F., Toplak M.E. *The Rationality Quotient. Toward a Test of Rational Thinking*. MIT Press, 2016.

U. S. Statutes at Large, Public Law 637, Chap. 886, p. 775–780. <https://www.gpo.gov/fdsys/browse/collection.action?collectionCode=STATUTE>.

Wood M.J., Douglas K.M., Sutton R.M. Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories // *Social Psychological and Personality Science*, 2012. 3(6). P. 767–773.

Yablokov I. Fortress Russia: Conspiracy Theories in the Post-Soviet World. Cambridge. Wiley, 2018.

Научное издание

Серия «Научные доклады: общественные науки»

Заказное издание

Спиридонов Владимир Феликсович

**Конспирологическая картина мира,
или Как устроена теория заговора**

Выпускающий редактор *Е.В. Попова*

Корректор *Т.В. Редькина*

Художник *В.П. Коршунов*

Оригинал-макет *О.З. Элеев*

Верстка *Т.А. Файзуллиной*

Подписано в печать 17.12.18. Формат 60×90/16.

Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. печ. л. 1,75.

Тираж 500 экз. Заказ № 1545

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
www.ranepa.ru
delo@ranepa.ru

Интернет-магазин
www.delo.ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82